

Коктебельские камушки

Ну вот, наконец, все они и сошлись! Мой, привезённый из Коктебеля одним поэтом, с теми, которые оказались на страницах книги Вячеслава Ложко «Серебряная память Коктебеля». Если вы не были там, или у вас нет ещё камушка, то вас, конечно, обойдет «типичная для Коктебеля "каменная болезнь", которую неизменно подхватывали все, кто бывал в начале XX века в доме Максимилиана Волошина».

«Собирали камешки в карманы, в носовые платки, считая их по красоте "вендом творенья"» Михаил Булгаков и его жена Любовь Белозёрская, конечно, Марина Цветаева, с камушком для которой так угадал Сергей Эфрон, что ещё и в семидесятых годах его хранила дочь Ариадна. Вообще, все-все «приезжающие целыми днями собирали самоцветы, которыми тогда был усеян берег — сердолики, халцедоны, яшма — ими был завален волошинский дом».

Ложко так умело рассказал эту удивительную, необыкновенную историю, сложившуюся в одну из, казалось бы, абсолютно разных камушков, разных судеб и разных глав, найдя в них общее глубокое и вдохновенное: Коктебель, Максимилиана Волошина, творчество, саму жизнь, наконец. Здесь они влюблялись, любили, творили, читали стихи, безумствовали, ссорились, даже стрелялись, — всё, что свойственно страстным натурам, живым, счастливым и одновременно несчастным и — бесконечно талантливым. Спасибо автору, что показал их такими. Ничто человеческое, как оказалось, им вовсе не чуждо, а всё же было оно — высоко и прекрасно.

Здесь, на берегу, Марина неожиданно вдруг сказала Волошину, что выйдет за-

муж «только за того, кто из всего побережья угадает, какой мой любимый камень».

Здесь «нелепый» Мандельштам потерял Данте Волошина в подлиннике и в пух и прах разругался с хозяином этого редкого издания из-за упреков в свой адрес. А тот, несмотря на то, что «слышать не хотел о Мандельштаме» отправился-таки вызволять арестованного поэта из рук белогвардейцев.

Здесь произошёл любовный конфликт, из-за которого Алексею Толстому пришлось побывать в роли секунданта, когда Волошин вызвал Гумилёва на дуэль из-за Черубины де Габриак. Стрелялись ведь! Спасибо, уберёт Господь тогда обоим...

Наконец, здесь из шутки возник страстный треугольник Черубины с Волошиным и Гумилёвым, при том, что последний в то время был пылко влюблён в Ахматову, просил её руки.

Сюда, специально чтоб увидеться с Булгаковыми, приехал угрюмый Грин с супругой Ниной Николаевной, да так с ними о чём и не поговорил...

В Коктебеле вспоминают, что с подачи Волошина появились «Роковые яйца», поскольку именно он отправил Булгакову некую заметку из газеты, которая послужила отправной точкой к написанию повести.

А с подачи жены Волошина, Марии Степановны, выдавшей Михаилу Афанасьевичу голубую шапочку с нашитыми на ней кокетельскими камешками, появился акварельный портрет Булгакова, написанный Остроумовой-Лебедевой.

Автор «Мастера и Маргариты» и других бессмертных произведений в Коктебеле, оказывается, с азартом ловил бабочек. Ещё в студенческие годы он собрал большую коллекцию и подарил её Киевскому университету. Вдруг и теперь существу-

ют эти пойманные рукой Булгакова бабочки?..

Столько нового, интересного открывает Вячеслав Ложко любопытному читателю в своём исследовании!

Говоря о Коктебеле, автор неслучайно начинает повествование с Валерия Брюсова, который вообще-то был нелюдом, «вещь в себе», как говорила про него Цветаева, но этим местечком осталась впечатлён настолько, что даже назвал его «единственным литературным центром в России».

«Я здесь имею возможность два раза в день вести беседу с такими интересными людьми и притом интересными в настолько разнообразных специальностях, что я, например, в Москве, не могу позволить себе ежедневно такой роскоши, — писал Брюсов. — Я могу перевидать столько людей в разных местах в течение недели, месяца, могу собрать у себя раз в год на именины своих друзей, но иметь постоянно вокруг себя такой круг и вести настолько интересные и содержательные беседы я не имею возможности».

Через воспоминания современников, их письма, архивные документы и литературоведческие исследования автор книги по крупницам воссоздаёт портреты каждого, кто побывал в Коктебеле и составил его «серебряную память». Их характеры, судьбы, а главное, творчество, становятся понятнее, ближе, роднее, и вот уже кажется, с Волошиным знакомы мы лично, а Цветаева не так давно — но просто до меня — посе-

щала сей шумный и весьма гостеприимный дом.

Книга вместила в себя и воспоминания Викентия Вересаева. Так же, как и других персонажей, автор рисует яркий, почти подробный портрет писателя: каким он был, когда впервые приехал в Коктебель, с чем там столкнулся, на что жил. По воспоминаниям Эренбурга, ему подарена была ночная рубашка доктора Козинцева, в ней он на велосипеде объезжал больных... ».

Но не это, а события Гражданской войны в Крыму «повергли писателя в шок, от которого трудно оправиться зрелому, мыслящему человеку», — так в 1918 году в Коктебеле возник замысел романа «В тупике».

В «Серебряную память Коктебеля» неожиданно вошла трагическая история Горького, в которой печальную, разрушительную роль играет последняя любовь писателя Мария Игнатьевна Будберг по прозвищу Мура. Зато нет, к сожалению, историй про Андрея Белого, Игоря Северянина, Вячеслава Иванова, Ильи Эренбурга и других, кто органично вписался бы в канву повествования о Серебряном веке и Коктебеле. И, конечно, хорошо бы все до единого камушка истории тщательно отшлифовать — чтобы они заблестали всеми, такими притягательными сторонами и сложились бы удивительную, полную примечательных событий серебряную историю серебряных портретов Коктебеля.

Елена СТЕПАНОВА

Жил да был султан Египта в старом, может быть, Крыму

Сложилось мнение, что хорошие писатели обладают даром предчувствовать развитие событий и в своей стране, и во всём мире.

Безусловно, один из старейших крымско-татарских писателей, встречающий своё 85-летие, член Союза писателей СССР с 1967 года, действительный член Крымской литературной академии, член Общероссийского литературного сообщества Нузет Умеров, пишущий на родном и русском языке, принадлежит к числу таковых. По-видимому, это затаённое предчувствие побудило его со времени учёбы в Литинституте накапливать сведения о мамлюкском султани Египта по имени Бейбарс Захир Руки ад-Дин Бундукдари и по прозвищу Абуль Фаттах (отец победы).

То, что удалось узнать, вылилось сначала в небольшую повесть, которой, по словам автора, больше заинтересовались в Египте, чем в Советской стране. Но это не охладило писателя. Как в своё время за право называться родиной Гомера спорили семь городов, так и местом рождения Бейбарса, кипчака по происхождению, называют значительное число регионов Великой степи. По наиболее распространённой версии, он — «парень» из Солхата, нынешнего Старого Крыма. Во всяком случае, из этой первой столицы Крымского ханства он, как утверждают некоторые источники, был отправлен на невольничий рынок, где из-за бельма на глазу его

купили по сходной цене и отправили в центр подготовки воинов-рабов — мамлюков.

Нузет Умеров десять лет работал над историческим бестселлером «Бейбарс — султан Египта», вышедшим в начале года в Симферополе. В эти годы на Ближнем Востоке были спровоцированы цветные революции, а затем развернулась война с террористами запрещённого в России «Исламского государства».

Подобного рода события уже происходили в этом регионе в XI-XIII веках, и Бейбарс, несомненно, приложил руку к ликвидации многоанклавного государства террористов — хашшашинов (ассасинов), просуществовавшего с 1090 по 1256 год. Веком раньше в шиитском направлении ислама каббалист из Иерусалима Абдалла бен Маймун образовал экстремистскую секту, адептам которой позволялось не соблюдать обязательные религиозные обряды и даже не посещать мечеть, а также убивать и грабить, поскольку греха не существует, и, следовательно, не будет и наказания на том свете. Затем понадобились те, кто огнём и копьём утверждали бы эти идеи в жизни.

Тогда была создана секта хашшашинов (от «хашина» — разновидность гашиша, наркотика, который потребляли её боевики). Секта объявилась в Сирии, в районе Алеппо, а затем активизирова-

лась и в других странах Ближнего Востока. Боевики захватили крепость Аламут (Орлиное гнездо) на Эльбрусе, из которой совершали налёты, захватывая другие нагорные замки, и образовали таким образом многоанклавное разбойничье государство, держащее в страхе властителей и население соседних стран. Его главе — «старцу горы Ливанской» слепо подчинялись фидаи — исполнители политических убийств, точно такие, как нынешние шахиды, которые, как правило, выполняя приказ, и сами погибали. Их к этому готовили, внушая с юных лет, что, пожертвовав собой во имя благого дела, они сразу же попадут в рай. Этот опыт на всю, как говорится, катушку раскрутили лидеры нынешнего запрещённого в России «Исламского государства».

Роман о мамлюкском султани, поставленном в один ряд с великими фараонами Древнего Египта, повествует о двух его главных победах. Возглавив египетскую армию, многонациональную по составу, он благодаря продуманной хитроумной тактике разбил полчища закованных в железо крестоносцев и пленил их предводителя, французского короля Людовика IX со всем его двором. Но в конце 1250-х годов над Египтом нависла новая угроза. Захватив столицу Багдадского халифата, войска внука Чингисхана ильхана Хулагу двинулись к египетским границам. Ревнивому к чужой славе султану Котузу пришлось возвращать сосланного в Сирию Бейбарса. И тот, приняв командование над армией, разбил почти 150-тысячное войнство монголов. Но Котуз провозглашил победителем себя и тем самым подписал себе приговор. Бейбарс убил его и стал первым мамлюкским правителем страны.

17 лет его царствования называют «золотым веком» Египта. Бейбарс осуше-

стил целый ряд реформ, укрепивших государство и улучшивших жизнь его жителей. Султан позаботился даже о призрачных бездомных кошек, распорядившись кормить их на деньги из казны. Проявил он себя и в архитектуре, участвуя в формировании мамлюкского архитектурно-художественного стиля, в проектировании новых мечетей. В хрониках того времени констатируется, что он запретил под угрозой смертной казни употребление вина и гашиша и искоренил проституцию.

Действующим лицом романа Нузета Умерова является и магистр ордена французских тамплиеров, который был основан и построен по форматам и канонам хашшашинов, чьё государство просуществовало более полутора веков. Жаль, что эта связь исламской и католической сект автором не прослеживается. Жаль, что не раскрыто противостояние Египта и ИГ того времени. Несомненно, это была жёсткая, бескомпромиссная борьба, и, надо полагать, немало фидаев сложили головы, пытаясь выполнить приказ об уничтожении Бейбарса.

Писатель показывает, что, подобно Руси, остановившей вторжение монгольских орд в Западную Европу через северозападные пределы Великой степи, продвижение чингизидов в том же направлении и столкновение двух цивилизаций на Ближнем Востоке предотвратила египетская армия во главе с султаном древней страны Бейбарсом.

Ныне же на Ближнем Востоке русское воинство защищает западноевропейцев от вторжения агрессоров, воюющих под чёрным пиратским знаменем «Исламского государства». Но исторические романы об этом будут написаны позже.

Лев РЯБЧИКОВ